

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

ПАМЯТИ
ЕКАТЕРИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ ДЭВЛЕТ

2 (72)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2021
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2021
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES**

**IN MEMORY OF
EKATERINA DEVLET**

2 (72)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2021

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Прошло почти три года, как нет нашей незабвенной Екатерины Георгиевны Дэвлет – друга, «локомотива истории», страстного творца... Бесконечное слово НИКОГДА вживается в сознание с большим трудом, и только дела ее соратников и друзей, воплощение ее задумок в жизнь хоть как-то сглаживают боль утраты. Стал студентом сын. Живет и развивается Центр палеоискусства Института археологии РАН. У истоков организации нового научного подразделения и его первым руководителем была Екатерина Георгиевна. Продолжаются исследования Каповой пещеры с ее бесконечными тайнами, Сикачи-Аляна с непредсказуемым Амуром и новыми находками, петроглифов Чукотки, давно ждущих «продолжения романа», других объектов и тем, на которые она когда-то «благословила» многих из нас. А главное, тема древнего искусства, которое она боготворила, продолжается в выставках, лекциях, научных статьях и книгах. Так хорошо вновь объединиться в этом специальном номере журнала для общего дела, для продолжения неисчерпаемой темы искусства. И еще раз каждый автор и, несомненно, кто-то из читателей вспомнят Екатерину Георгиевну, мечтавшую о том, что должны продолжаться сборники и журналы, в которых будут публиковаться новые материалы, звучать самые актуальные темы и воплощаться выношенные годами идеи.

Искусство вечно. Жизнь коротка...

Начальник экспедиции. Чукотка. 2008 г.

Абхазия. 1980-е гг.

Передача копии петроглифа в музей МГУ.
Е.Г. Дэвлет и ректор В.А. Садовничий

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2021), 7–30
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2021), 7–30
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-7–30

«ПУЗАТЫЕ СКУЛЬПТУРЫ» И КУЛЬТ ПРЕДКОВ НА
ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
МЕЗОАМЕРИКИ В ПОЗДНЕФОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД
(IV в. до н.э. – I в. н.э.)

Д.Д. Беляев

*Российский государственный гуманитарный университет;
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва,
Россия
lakamha@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается один из типов каменных изваяний Юго-Восточной Мезоамерики, распространенный на тихоокеанском побережье Гватемалы и Сальвадора, а также на Гватемальском нагорье – так называемые пузатые скульптуры. Они представляют собой грубые изображения сидящих тучных людей со сложенными на животе руками, обвисшими щеками и закрытыми глазами с опухшими веками. Наибольшее количество этих монументов обнаружено в Абах-Такалике и Монте-Альто на побережье и в Каминальхуйю в долине Гватемалы. Несмотря на распространенное ранее мнение, что эти фигуры хронологически предшествуют ольмекской раннеформативной скульптуре (XIV–XI вв. до н.э.) и, возможно, являются ее прототипами, самые ранние примеры «пузатых скульптур» относятся к концу среднеформативной фазы (вторая половина VII–VI в. до н.э.). Расцвет этого типа монументальной скульптуры приходится на позднеформативное время (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Чаще всего они устанавливались в открытых церемониальных пространствах политических центров позднеформативных вождей, а в Санта-Летисии, где сохранился оригинальный контекст, они ориентированы на соседний горный пик, считавшийся местом происхождения первопредков. Несмотря на несколько десятилетий изучения, в историографии нет согласия о функциях «пузатых скульптур».

Данные об авторе: Беляев Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета РГГУ, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Статья подготовлена в рамках госзадания для РГГУ Минобрнауки России, проект FSZG-2020-0019 (регистрационный номер АААА-А20-120070890028-5).

В статье выделены основные стили традиции «пузатых скульптур», а также заново проанализированы их характерные черты. Проанализированные свидетельства показывают, что изваяния были частью культа предков и изображали умерших вождей. Гипертрофированная тучность их тел связана с распространенными на тихоокеанском побережье представлениями о «цветущем мире» изобилия пищи и прочих богатств, откуда предки подают благодать и пропитание своим потомкам.

Ключевые слова: Мезоамерика, позднеформативный период, монументальная скульптура, культ предков, этническая семиотика

Древнее искусство крайнего юго-востока Мезоамерики (тихоокеанское побережье Гватемалы и Сальвадора и Гватемальское нагорье) представляет собой один из ярких примеров контактов в обширном межкультурном пограничье. Первым компонентом выступали традиции «нуклеарной» Мезоамерики, связанные с культурами истмийской зоны, побережья Мексиканского залива и горной Мезоамерики. Второй компонент – яркие и самобытные традиции Центральной Америки¹. В результате этого взаимодействия появлялись необычные, синкретические формы, сочетающие разнородные черты.

Одна из характерных черт монументального искусства тихоокеанского побережья и Гватемальского нагорья – так называемые «пузатые скульптуры» (англ. *potbelly sculptures*, исп. *barrigones*). Они представляют собой грубые изображения сидящих тучных людей со сложенными на животе руками, обвисшими щеками и закрытыми глазами.

Первые сведения о «пузатых скульптурах» относятся ко второй половине XIX в. В 1860-е гг. барон дю Тейль, владевший кофейной плантацией в Консепсьон в департаменте Эскуинтла, перевез один монумент в Музей Экономического общества в Гватемале, где ее в 1876 г. наблюдал А. Бастиан. В 1886 г. этот памятник был вывезен во Францию, где стал экспонатом коллекции барона де Бая (1886–1906), затем перешел в Национальный археологический музей (1906–1938) и в конце концов попал в Музей человека в Париже. Еще две скульптуры из Консепсьон были приобретены немецким дипломатом Вернером фон Бергеном и в 1885 г. морем отправлены в Германию, где стали частью коллекции Берлинского этнологического музея².

Вновь «пузатые скульптуры» стали предметом интереса археологов в первой половине XX в. Они были выделены в отдельную категорию монументальных памятников С. Лотропом для горной Гватемалы (1924 г.) и Ф. Ричардсоном для тихоокеанского побережья (1940 г.). Лотроп описывал их следующим образом: «Круглые фигуры с жирными телами, короткими толстыми шеями, обычно с широкими ожерельями, и с большими головами <...> Лица намечены грубо и в общих чертах, их черты обычно лишь процарапаны. Ноги часто согнуты вокруг бочкообразного туловища и параллельны земле, а руки согнуты в локтях и сложены по бокам»³. Робертсон показал, что эти скульптуры не связаны с цивилизацией майя и отражают иную культурную традицию Юго-Восточной Мезоамерики.

¹ Дэвлет 2000а.

² Chinchilla Mazariegos, Fauvet-Berthelot 2018.

³ Lothrop 1926, 164.

В основной своей массе скульптуры высечены из естественных базальтовых валунов различного размера, откуда происходит альтернативное обозначение «валунные скульптуры» (англ. *boulder sculptures*)⁴. Такие валуны очень часто встречаются в зоне предгорий на тихоокеанских склонах Чьяпаса, Гватемалы и Сальвадора. Другие породы камня использовались для изготовления небольших фигурок, напоминающих «пузатые скульптуры». Наиболее крупные изваяния, очевидно, весили несколько тонн: в частности, А. Демарест оценивает вес монументов из Санта-Летисии от 6,8 до 12 т⁵. Единственный объект, о котором имеются точные данные, – изваяние из Консепсьон (ныне в Музее человека в Париже) – имеет 110 см в высоту, 112 см в диаметре и весит 1,37 т⁶.

Недавние исследования международного коллектива специалистов продемонстрировали, что выбор заготовки для обработки мог быть не случайным. Магнитометрическое обследование изваяний из Монте-Альто показало, что 7 из 11 изваяний (МА1, МА4, МА5, МА6, МА7, МА10 и МА11) характеризуются значительными магнитными аномалиями. На четырех «пузатых скульптурах» (МА4, МА5, МА6, МА11) они концентрируются в районе пупка. Скорее всего, эти аномалии были вызваны ударами молний⁷.

Точное число «пузатых скульптур» неизвестно, что связано с различными принципами подсчета. Каталог, составленный С. Родасом, включает 51 монумент с территории Гватемалы, а также 8 миниатюрных фигурок (от 5 до 18,8 см высотой)⁸. Таблица, составленная Л.М. Томпсон и Ф. Вальдесом, включает 92 предмета, но туда включена также керамическая статуэтка из Кольхи, а часть монументов, обнаруженных в 1990–2000-е гг., не учтена⁹. Дж. Гернси составила наиболее полную таблицу, однако она объединяет как «пузатые», так и «связанные с ними монументальные объекты» (в частности, каменные головы)¹⁰.

В приведенной ниже таблице 1 суммированы данные обо всех известных «пузатых скульптурах», которые можно отнести к монументальной скульптуре (размерами более 45–50 см).

Таблица 1. Монументальные «пузатые скульптуры»

Регион / памятник		Регион / памятник	
Побережье Гватемалы	55	Побережье Чьяпаса	9
Абах-Такалик	14	Тонала	2
Монте-Альто	6	Ла-Унидад	2
Сан-Себастьян	4	Альваро-Обрегон	
Син-Кабесас	4	Арриага	1
Хиральда	4	Исапа	1
Бильбао	3	Ла-Персервансия	1
Ла-Гомера	3	Серро-Берналь	1

⁴ Parsons, Jenson 1965.

⁵ Demarest 1986, 8.

⁶ Chinchilla Mazariegos, Fauvet-Berthelot 2018, 78.

⁷ Fu et al. 2019.

⁸ Rodas 1993.

⁹ Thompson, Valdez 2008, 20.

¹⁰ Guernsey 2012, 59–62.

Консепсьон	3	Тильтепек	1
Пасако	3	<i>Гватемальское нагорье</i>	12
Финка-Солола	3	Каминальхуйю	8
Лос-Серритос	2	Агуа-Эскондида	1
Ла-Флореста	1	Антигуа	1
Сан-Антонио	1	Сан-Хуан-Сакатепекес	1
Финка-Бонампак (Бонанса)	1	Утаглан	1
Финка-Нуэва	1	<i>Низменности</i>	10
Чокола	1	Тикаль	1
Эль-Бальсамо	1	Копан	2
<i>Побережье Сальвадора</i>	7	Чанчич II	2
Санта-Летисия	3	Вашакгун	1
Исла-Теопан	1	Ла-Тракторада	1
Кара-Сусья	1	Наранхо	1
Тапальшукут	1	Сан-Бартоло	1
Чальчуапа	1	Эль-Хобаль	1

Существенно меньше известно небольших каменных «пузатых скульптур», которые можно отнести к портативным изваяниям (размерами от 6 до 40 см). В силу незначительного веса они гораздо чаще были вывезены грабителями и проданы в частные коллекции.

Таблица 2. Портативные «пузатые скульптуры»

Регион / памятник		Регион / памятник	
<i>Побережье Гватемалы</i>	12	<i>Гватемальское нагорье</i>	7
Чикимульля	5	Каминальхуйю	7
Сан-Антонио-Сучитепекес	3	<i>Низменности</i>	1
Ухуште	2	Тикаль	1
Абах-Такалик	1		
Ла-Нуэва	1		

Как хорошо видно из таблицы, монументальные «пузатые скульптуры» более многочисленны. Их наибольшая концентрация отмечается на тихоокеанском побережье Гватемалы и прилегающем к нему западном участке сальвадорского побережья, в древности составлявших единую историко-культурную область (рис. 1). В данном регионе это один из самых распространенных типов каменной скульптуры. Особенно выделяется на этом фоне район Эскуинтла – Тикисате. Периферией стиля, безусловно, являются внутренние районы низменностей (Петен). «Пузатые скульптуры» там не имеют местных корней и характеризуют в основном ограниченный район позднеформативных политических центров.

Минималистический стиль изваяний и довольно простая технология изготовления изначально привели исследователей к заключению, что они представляют собой крайне архаичную форму монументального искусства, предшествующую ольмекскому. Эта точка зрения была окончательно оформлена С. Майлз, которая

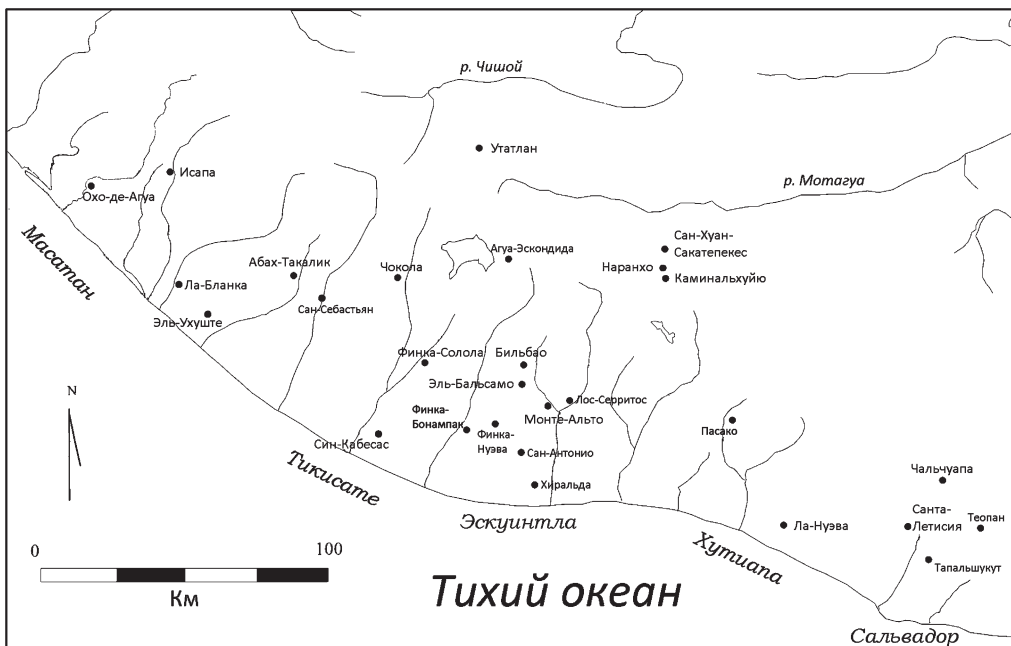

Рис. 1. Карта тихоокеанского побережья и прилегающей части Гватемальского нагорья с упоминающимися в тексте археологическими памятниками
 Fig 1. Map of Pacific Coast and adjoining Guatemalan Highlands with sites mentioned in the text

отнесла их к «Отделу 1» (Division 1), соответствующему ранней фазе формативного периода¹¹. Эту позицию впоследствии отстаивал Дж. Грэм, который в ряде работ, посвященных скульптуре Абах-Такалика, упирая на примитивизм технологии и стиля, обозначил их как «протоольмекские»¹².

Хронология Майлз была поставлена под сомнение Э. Шуком и Л.А. Парсонсом на основе работ в Монте-Альто. Первоначально они опирались прежде всего на подъемный керамический материал, собранный в ходе разведочных работ, в соответствии с которым этот памятник был населен не ранее средней фазы формативного периода¹³. Последующие три полевых сезона подтвердили общую датировку и позволили уточнить хронологическую привязку «валунных скульптур»¹⁴. В 1968 г. одна из них (МА11) была обнаружена *in situ*, на невысокой платформе. Керамический материал и радиоуглеродные даты (500–70 до н.э.) дали широкие рамки, охватывающие конец среднеформативной и большую часть позднеформативной фазы¹⁵, но в целом подтвердили предположения Шука и Парсонса.

Вопрос хронологии «пузатых скульптур» был специально исследован в ходе раскопок в Санта-Летисии (тихоокеанское побережье Сальвадора). Почти полно-

¹¹ Miles 1965, 242–248.

¹² Graham 1982, 1989.

¹³ Parsons, Jenson 1965.

¹⁴ Shook 1971; Parsons 1976, 74–75.

¹⁵ Parsons 1986, 40.

стью погребенные землей монументы на этом небольшом памятнике были найдены лишь в 1965 г. В 1968 г. разведочные работы С. Боггза показали, что три «пузатые скульптуры» располагались по линии север–юг на обширной террасе, спускавшейся со склонов холма Серро-де-Апанека. Разведочные шурфы показали, что терраса была искусственной и насыпана в формативный период (радиоуглеродные даты 2400 ± 60 , 2460 ± 130 и 2780 ± 210)¹⁶. В 1977 г. в Санта-Летисии начались систематические раскопки под руководством А. Демареста, которые позволили реконструировать историю этого поселения.

Санта-Летисия возникла как средних размеров деревня на рубеже средней и позднеформативной фазы (IV в. до н.э.). Позднее поселение выросло до 15 га, а в I в. до н.э. – I в. н.э. в его западной части, на склоне холма, была сооружена массивная терраса шириной 70 м и глубиной 2,2 м, служившая основанием для площади, на которой, по-видимому, проводились общинные ритуалы (рис. 2). В середине террасы по линии север–юг на расстоянии 17 м друг от друга были установлены «пузатые скульптуры». Они были заглублены в платформу на глубину 0,4 м, ямы были выложены камнями. Радиоуглеродный анализ проб, взятых из заполнения

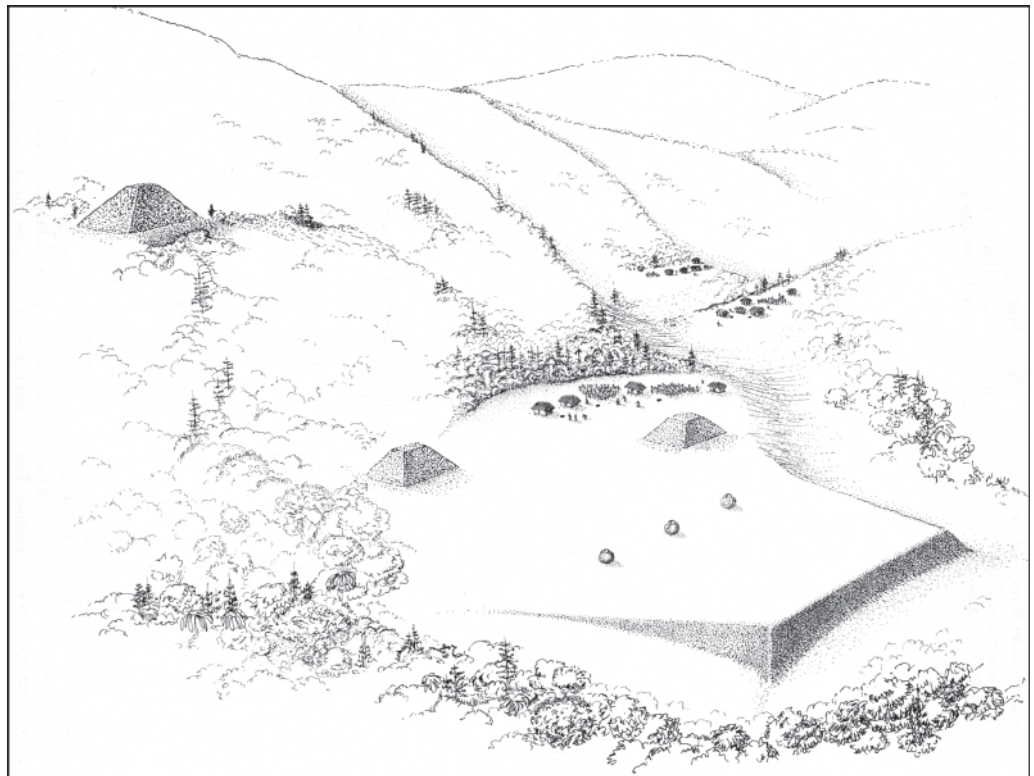

Рис. 2. Санта-Летисия в начале I в. до н. э. (по: Demarest 1986, fig. 40)
Fig 2. Santa Leticia, ca. 100 BC (after Demarest 1986, fig. 40)

¹⁶ Demarest et al. 1982, 560, 562.

террасы, дал результаты 85 ± 94 г. н.э. и 160 ± 82 г. н.э., а проба непосредственно из-под монумента SL-1 – 85 ± 103 г. н.э.¹⁷ Таким образом, перед нами единая монументальная программа, увязывающая три статуи, датирующаяся приблизительно I в. н.э. Демарест особо обращает внимание, что Санта-Летисия представляет собой однокомпонентный памятник с не очень длительным периодом обитания, поэтому вероятность того, что изваяния были транспортированы из другого места и переустановлены в более позднее время, низкая¹⁸.

В то же время есть свидетельства более раннего бытования «пузатых скульптур». Монумент 7 из Чальчуапы (Сальвадор), найденный в ходе раскопок Здания E3-1, далек от стандарта: он имеет всего 53 см в высоту и 23 см в ширину. Это гротескная фигура, высеченная из крупнозернистого андезита, с выдающимся животом, по бокам которого сложены руки; у персонажа узкие глаза, длинный и плоский нос, выдающаяся нижняя челюсть, мясистые губы и пухлые щеки. В отличие от других памятников, на голове выделен шлем или убор¹⁹. Другая отличительная черта – отсутствие ног, которые заменяет основание, что находит параллели лишь в изваяниях из Син-Кабесас²⁰. Все эти отличительные черты позволяют предположить, что перед нами один из прототипов классических «пузатых скульптур». Р. Шерер датирует его первой половиной среднеформативной фазы или серединой VII – концом VI в. до н.э. (640–520 гг. до н.э.)²¹. Однако Гернси отмечает, что каменная облицовка или ограда церемониальной постройки E3-1, частью которой был Монумент 7 (Feature 7), необязательно была синхронна строительству самого здания и осторожно предлагает отнести его ко второй половине I тыс. до н.э.²²

В результате проекта регионального обследования региона Эскуинтла на тихоокеанском побережье Гватемалы под руководством Ф. Бове в 1980-е гг. стало ясно, что большая часть памятников, где были обнаружены «пузатые скульптуры», возникли не ранее среднеформативной фазы (VII–IV вв. до н.э.), а раннеформативные поселения в этом районе практически отсутствуют²³.

Попытки стилистической сериации «пузатых скульптур» были предприняты Л.А. Парсонсом и М. Попеное де Хатч. Парсонс попытался оценить весь известный на середину 1980-х гг. корпус²⁴, в то время как Попеное де Хатч сосредоточилась только на статуях из Монте-Альто²⁵.

Анализ корпуса монументальных «пузатых скульптур» позволил выделить 8 основных локальных стилей, распространенных на тихоокеанском побережье и на Гватемальском нагорье. За пределами этого комплекса стилей остались монументы из Абах-Такалика, разнообразие которых слишком велико.

1. Стилль Монте-Альто (рис. 3; 4). Парсонс выделил скульптуры из Монте-Альто в особый субстиль, при этом отделив «пузатые скульптуры» от «полнофигурных валунных скульптур», объединив последние в одну категорию с колос-

¹⁷ Demarest et al. 1982, 565–569.

¹⁸ Demarest 1986, 139.

¹⁹ Sharer 1978, 156.

²⁰ Sharer 1978, 163.

²¹ Sharer 1978, 73.

²² Guernsey 2012, 85–86.

²³ Bove 1989.

²⁴ Parsons 1986, 39–45.

²⁵ Popenoe de Hatch 1989.

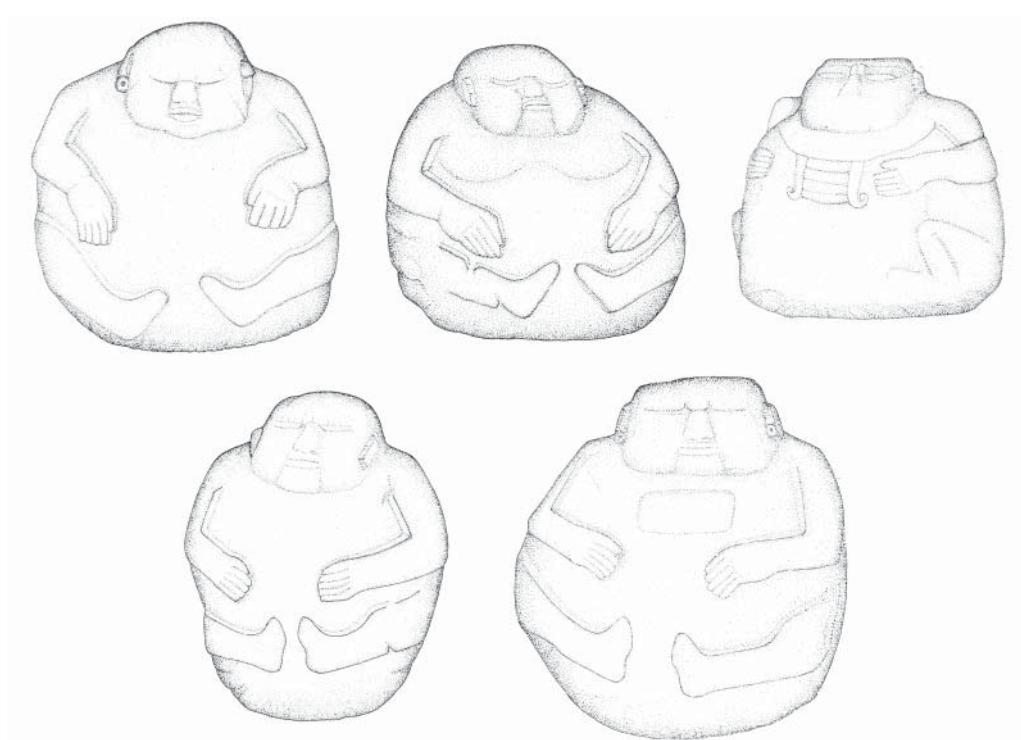

Рис. 3. «Пузатые скульптуры» из Монте-Альто: МА4, МА5, МА6, МА9, МА11 (по: Rodas 1993)

Fig. 3. Potbelly sculptures from Monte Alto: МА4, МА5, МА6, МА9, МА11 (after Rodas 1993)

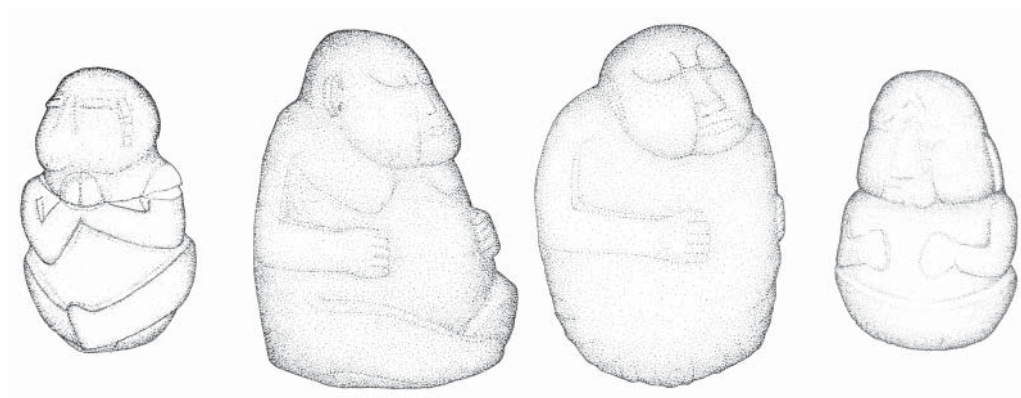

Рис. 4. Примеры «пузатые скульптур» стиля Монте-Альто из Эскуинтлы (по: Rodas 1993)

Fig. 4. Potbelly sculptures of Monte Alto style from Escuintla (after Rodas 1993)

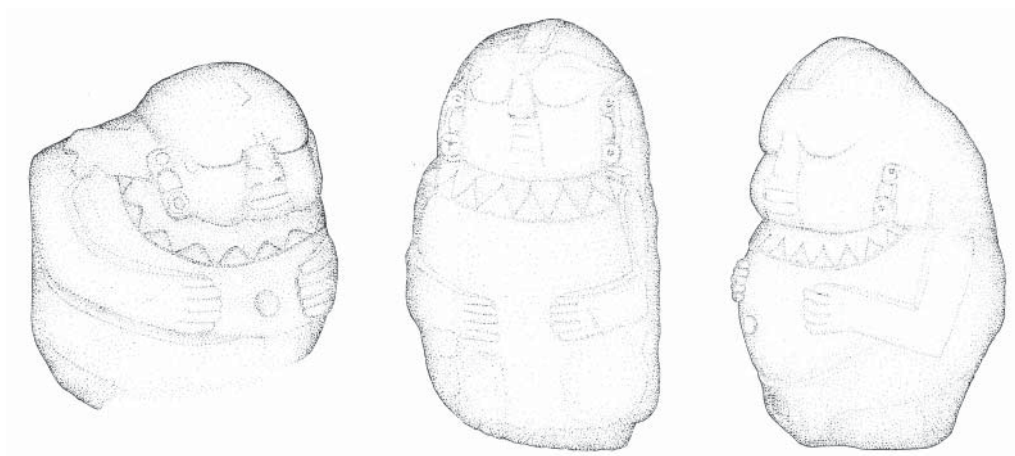

Рис. 5. «Пузатые скульптуры» стиля Бильбао: монумент 3 из Консепсьон, монументы 46 и 47 из Бильбао (по: Rodas 1993)

Fig. 5. Potbelly sculptures of Bilbao style: Concepcion Mon. 3, Bilbao Mon. 46 and 47 (after Rodas 1993)

сальными каменными головами²⁶. Однако такое разделение совершенно резонно не встретило поддержки среди других исследователей. Эту группу отличает крайне не массивное туловище, шея практически отсутствует, голова смыкается с телом, руки сложены на пузе либо по краям живота. В большинстве случаев у фигур изображены ноги, расположенные по обе стороны туловища либо скрещенные. К этому стилю, помимо самого Монте-Альто, можно отнести большинство монументов из других археологических памятников Эскуинтлы: Хиральда, Финка-Бонампак, Лос-Серритос, Консепсьон.

Основная группа изваяний из Монте-Альто (МА3, МА5, МА6, МА9, МА11) имеет в высоту от 105 до 157 см. Выбивается из них лишь МА13 (55 см в высоту), который С. Родас также относит к Монте-Альто²⁷, хотя происхождение его в действительности неизвестно. Значительные размеры также имеют монументы из Хиральды (от 104 до 170 см) и монумент 1 из Консепсьон (100 см).

2. Стиль Бильбао (рис. 5), в который можно выделить упомянутые выше монументы 46 и 47 (ныне хранящиеся в Этнологическом музее в Берлине) и монумент 3 из Консепсьон (ныне в Музее человека в Париже)²⁸. Хотя в целом они схожи со стилем Монте-Альто, их отличают вытянутые уши с круглыми ушными вставками, прямоугольный элемент на голове (убор или прическа в виде гребня), но прежде всего ожерелье с треугольными мотивами. Руки сложены в районе пупка, который выделен у двух изваяний. Нижняя часть статуй обработана минимально, ноги не выделены. Размеры варьируются от 110 до 128 см.

3. Стиль Солола (рис. 6). Отличительной особенностью этого стиля, представленного тремя небольшими (около 60 см) изваяниями из Финка-Солола (Ти-

²⁶ Parsons 1986, 39–45.

²⁷ Rodas 1993, 11.

²⁸ Rodas 1993, 13–14; Guernsey 2012, 66.

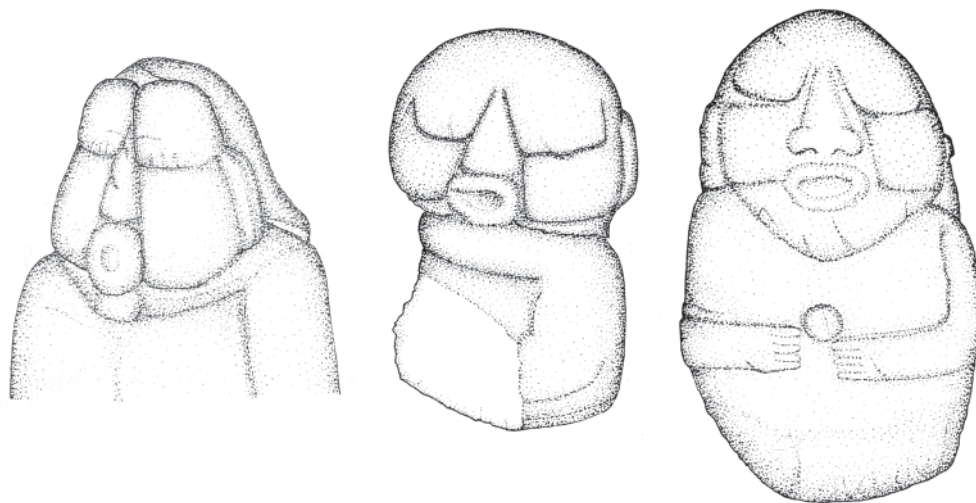

Рис. 6. «Пузатые скульптуры» стиля Солола: монументы 1, 2 и 3 из Финка-Солола (по: Rodas 1993)

Fig. 6. Potbelly sculptures of Solola style: Finca Solola Mon. 1, 2 and 3 (after Rodas 1993)

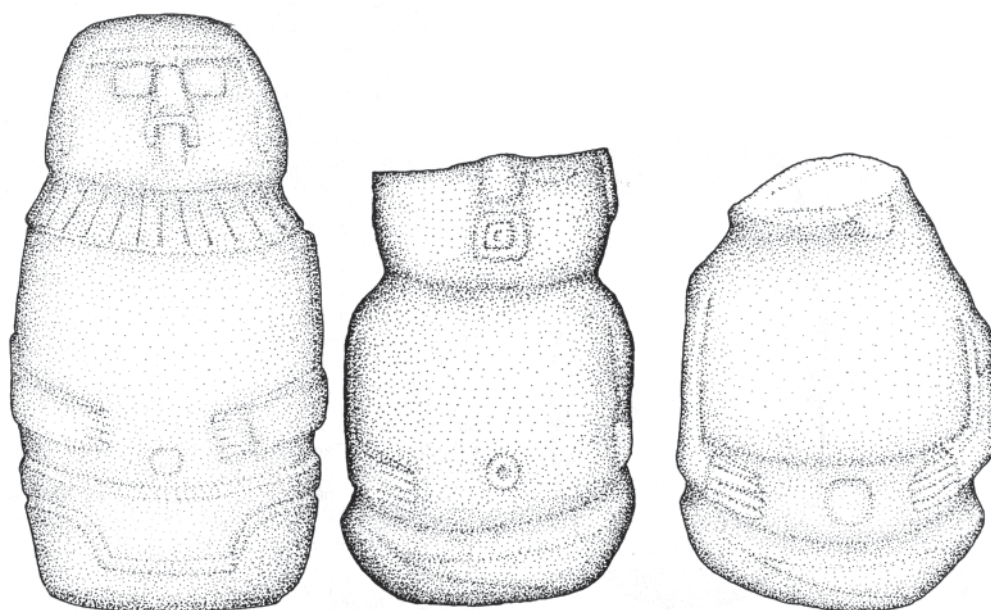

Рис. 7. «Пузатые скульптуры» стиля Пасако: монумент 1 из Ла-Нуэва, монументы 1 и 2 из Пасако (по: Rodas 1993)

Fig. 7. Potbelly sculptures of Pasaco style: La Nueva Mon. 1, Pasaco Mon. 1 and 2 (after Rodas 1993)

Рис. 8. «Пузатые скульптуры» из Санта-Летисия: СЛ1, СЛ2 и СЛ3 (по: Demarest, Switsur, Berger 1982)

Fig. 8. Potbelly sculptures from Santa Leticia: SL1, SL2, SL3 (after Demarest, Switsur, Berger 1982)

кисате), являются увеличенные пропорции головы по сравнению с телом, тщательно проработанный округлый рот, треугольный нос и выделенные, как будто набухшие, веки²⁹.

4. Стиль Пасако (Хутиапа) (рис. 7). К этому стилю можно отнести три небольших (54–56 см) монумента, происходящих из департамента Хутиапа (один с поселения Ла-Нуэва и два, точное происхождение которых неизвестно). Их отличают угловатая форма, квадратный рот, выделенный пупок. Ноги не проработаны или слегка намечены³⁰.

5. Стиль Санта-Летисия (Сальвадор) (рис. 8). Все три «пузатые скульптуры», обнаруженные в Санта-Летисии, резко выделяются шарообразной формой с гипертрофированно тучным животом, в центре которого особо выделен пупок. Голова практически сливается с туловищем, прикрывающие глаза веки набухшие, в длинных ушах круглые вставки. Ни у одной фигуры нет ног³¹.

6. Стиль Каминальхуйю (рис. 9). Практически все изваяния, происходящие с Гватемальского нагорья (монументы 3, 4, 6, 7, 8, 41 и 66 из Каминальхуйю, монументы из Сан-Хуан-Сакатепекес, Антигуа и Утатлана³²), без сомнения, относятся к одному стилю. Их отличают форма в виде усеченного конуса, руки и ноги, расположенные параллельно по обеим сторонам туловища (лишь в одном случае ноги скрещены). Все, за исключением монумента 4 из Каминальхуйю, украшены ожерельем из прямоугольных элементов, вероятно, изображающих пластинки из жада³³. Высота изваяний от 100 до 118 см (исключение составляет лишь монумент из Сан-Хуан-Сакатепекес высотой 45 см). Примечательно, что небольшие фигуры из гватемальских музеев, ассоциирующиеся с Каминальхуйю, довольно

²⁹ Rodas 1993, 6–7; Guernsey 2012, 66.

³⁰ Rodas 1993, 15–16; Guernsey 2012, 67.

³¹ Demarest et al. 1982, 558, 561–562; Guernsey 2012, 85–86.

³² Rodas 1993, 19–28.

³³ Обозначение «жад» было введено Е.Г. Дэвлет, как «общий термин, объединяющий несколько разных материалов, среди которых наиболее известны жадеит и нефрит» (Дэвлет 2000б, 21–22).

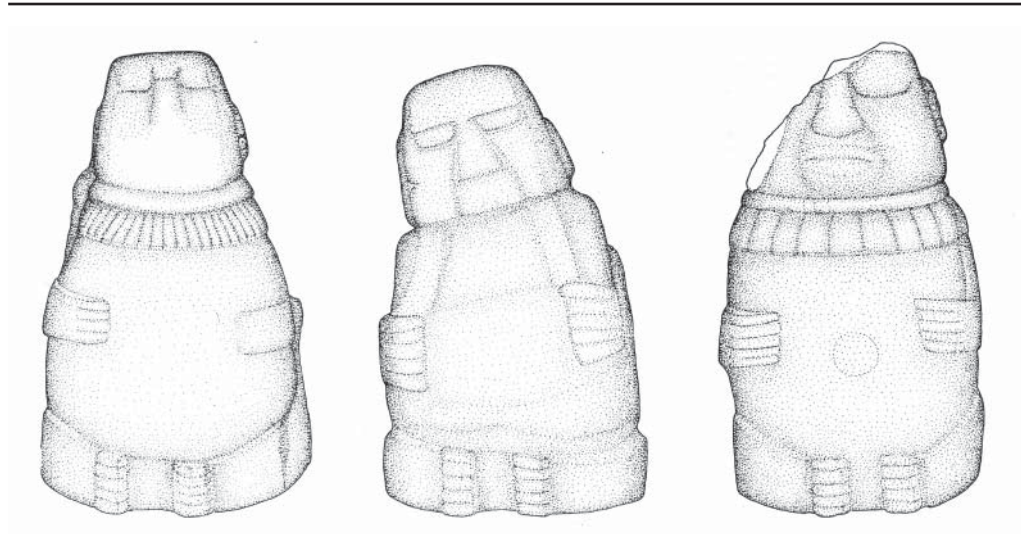

Рис. 9. Примеры «пузатых скульптур» из Каминальхуйю: КАМ3, КАМ4 и КАМ6 (по: Rodas 1993)

Fig. 9. Potbelly sculptures from Kaminaljuyu: KAM3, KAM4 and KAM6 (after Rodas 1993)

сильно отличаются от крупных: у монументов 57 и 58 (Музей Пополь-Вух)³⁴ руки не сложены на животе, а опираются на колени, а у фигур из Национального музея археологии и этнологии³⁵ ноги либо не высечены, либо скрещены.

7. Стиль Син-Кабесас. Крайне своеобразная группа изваяний происходит из важного политического и экономического центра в регионе Тикисате. Они настолько отличаются от остальных, что Родас не относил их к «пузатым скульптурам» вообще. Это крайне натуралистичные изображения сидящих людей со скрещенными ногами и выдающимся животом, на котором сложены руки. Фигуры расположены на высоких основаниях конической формы³⁶. У монументов 1 и 2 основания занимают 2/3 общей высоты. Головы у статуй отбиты, так что мы не знаем, имели ли они такие же пухлые отвисшие щеки, как у изваяний из Эскуинтлы.

Еще одна своеобразная группа изваяний, схожих с гватемальскими, была выделена Ф. Наваррете на тихоокеанском побережье Чьяпаса. Они происходят из важного формативного центра Тильтепек, расцвет которого пришелся на V–III вв. до н.э.³⁷ В Тильтепеке было обнаружено 10 изваяний (монументы 1, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 33, 34 и монумент из музея в Тонале), традиционно также причисляемых к данной категории, однако полноценной «пузатой скульптурой» является лишь монумент 23. В связи с этим эта группа исключена из нашего анализа. Вопрос о соотношении изваяний из Тильтепека и памятников с гватемальского побережья следует рассматривать отдельно.

³⁴ Rodas 1993, 23.

³⁵ Rodas 1993, 25–26.

³⁶ Parsons 1986, 20, fig. 15–17.

³⁷ Navarrete, Hernandez 2000, 472–475.

Семантика «пузатых скульптур» вплоть до настоящего времени остается предметом дискуссии. М. Ко в 1960-е гг. впервые предположил, что они изображают так называемого «Толстого бога», образ которого выделялся в искусстве от Теотиуакана до области майя в классический период³⁸. При описании «пузатой скульптуры», обнаруженной при раскопках в Исапе, Г. Лоу и его коллеги также упомянули эту версию как одну из возможных³⁹. В конце 1980-х гг. к этой идее вернулся Дж. Скотт⁴⁰. Гипотеза получила довольно широкое распространение и была поддержана О. Чинчильей и К. Таубе⁴¹. Попеное де Хатч даже предположила, что именно изображения гватемальских толстяков послужили прототипом для теотиуаканского «Толстого бога», поскольку изображения последнего появляются уже в раннеклассический период, после установления контактов между тихоокеанским побережьем и Центральной Мексикой⁴².

Иконографические параллели между «Толстым богом» и «пузатыми скульптурами», такие, как закрытые глаза или глаза-щелочки, опухшие веки, пухлые обвисшие щеки, очень толстый живот, несомненны. В то же время следует принимать во внимание, что фигуры, объединенные под общим обозначением «Толстый бог», зачастую представляют собой совершенно разных существ (на это обратил внимание еще Х. фон Виннинг⁴³). Так, на классической керамике майя фигурируют *sitz' winik* «обжора» или *sitz' chamiyu* «смерть [от] обжорства» – духи-спутники или демоны (возможно, олицетворяющие болезни), которых крайне сложно связать с идеями плодородия, процветания и богатства. Кроме того, нелогичным кажется одновременное публичное выставление серии каменных изваяний на центральных площадях поселений: если это некое тучное божество, то почему одновременно почитаются три и более его изображений?

Парсонс связывал «пузатые скульптуры» и схожие с ними каменные головы из Монте-Альто с культом войны: «Предположительно, они представляют мертвых, и, принимая во внимание намеренно обезглавленную “пузатую скульптуру” из Эль-Бауля <...> даже колоссальные головы могут изображать отрубленные трофейные головы покойных предводителей или уважаемых пленников»⁴⁴. Однако, несмотря на распространенность мотива трофейной головы в Мезоамерике, эта версия не получила широкого признания. Другая группа исследователей полагает, что «пузатые скульптуры» связаны с формирующейся идеологией власти. Дж. Каплан предложил довольно расплывчатое объяснение, что они изображали правителей в их связи со сверхъестественным⁴⁵. По противоположному мнению М. Лава, «пузатые скульптуры» представляли собой форму, выросшую из традиции домашних статуэток и в принципе не являвшуюся элитарной⁴⁶.

Особняком стоит мнение П. Амароли, выдвинувшего на основании «пузатой скульптуры» с острова Теопан (Сальвадор), на которой отчетливо видны груди,

³⁸ Coe 1966, 62–63.

³⁹ Lowe et al. 1982, 107.

⁴⁰ Scott 1988.

⁴¹ Chinchilla Mazariegos 2001–2002, 18–22; Taube 2006, 157–159.

⁴² Popenoe de Hatch 1989, 41.

⁴³ von Winning 1987, 141–145.

⁴⁴ Parsons 1986, 45.

⁴⁵ Kaplan 1999, 285–286.

⁴⁶ Love 2010, 161.

гипотезу, что они изображали беременных женщин и связаны с культом богини земли и плодородия⁴⁷. Дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения служит тот факт, что, по-видимому, именно эту статую сальвадорские пипили почитали в начале XVI в. как образ богини. С другой стороны, за исключением изваяния из Теопана, ни одно другое не демонстрирует женских черт.

В последние полтора десятилетия ряд специальных работ посвятила данной проблеме Дж. Гернси, ранее занимавшаяся монументальным искусством Исапы⁴⁸. Анализируя корпус статуэток из Ла-Бланки, важнейшего политического центра на западе тихоокеанского побережья Гватемалы X–VII вв. до н.э., она показала, что такие характерные черты «пузатых скульптур», как пухлые обвисшие щеки, опухшие веки, пухлый рот, широко распространены по крайней мере с X–IX в. до н.э. Таким образом, по мнению Гернси, традиция изготовления «пузатых скульптур» выросла из домашних ритуалов, практиковавшихся в домохозяйствах среднеформативной эпохи. В монографии, вышедшей в 2012 г., она поставила под сомнение связь «пузатых скульптур» с «Толстым богом» или «толстыми божествами»⁴⁹. В то же время вряд ли можно согласиться с выводом Гернси, что толстый живот и тучное тело в целом не могут считаться характерными признаками «пузатых скульптур», а таковыми следует считать черты лица (пухлые обвисшие щеки и опухшие веки)⁵⁰. Ее основным аргументом являются отдельные массивные каменные головы, известные в Монте-Альто, Каминальхуйю и бытовавшие синхронно с «пузатыми скульптурами». Однако количественно полнофигурные изваяния абсолютно доминируют над каменными головами.

Проблему природы и функций «пузатых скульптур» невозможно решить традиционными сравнительными методами. Выделение «диагностических черт» этой категории объектов из широкого набора признаков различными исследователями зачастую является произвольным и опирается на собственное интуитивное понимание их назначения. Необходимо проанализировать все понятные нам характеристики с тем, чтобы составить идеальную этносемиотическую карту данного явления.

Сидячая поза. Фигуры изображены сидящими с ногами по бокам тела или скрещенными по-турецки, что в Мезоамерике является универсальной формой изображения носителей власти разного ранга. Зависимые лица или побежденные пленники изображаются на коленях или коленапреклоненными. В этом отношении «пузатые скульптуры» отличаются и от образов классических «толстых божеств», которые обычно стоят, подняв одну или обе руки⁵¹. На портативных изваяниях из Каминальхуйю из Музея Пополь-Вух (монументы 57 и 58)⁵² руки упираются в колени как у типичных носителей власти.

Закрытые глаза. Ни одно из изваяний с сохранившимися лицами не имеет открытых глаз. В мезоамериканской культурной традиции это является универсальным признаком мертвых. В мезоамериканских иероглифических письменностях

⁴⁷ Amaroli 1997.

⁴⁸ Guernsey 2010, 2012.

⁴⁹ Guernsey 2012, 121–130.

⁵⁰ Guernsey 2012, 121–130.

⁵¹ von Winning 1987.

⁵² Rodas 1993, 23.

знаки для обозначения смерти также часто изображаются как лица с закрытыми глазами (речь идет о мертвом человеке, а не о скелете, лишенном плоти после смерти). Гернси также добавляет к этому те черты, которые она интерпретирует как дыхание, ссылаясь на исследования, посвященные связи между «дыханием, предками и посмертными ритуалами»⁵³. С этим трудно согласиться: дыхание во все не является характерной чертой именно покойных, а, наоборот, характеризует предков в мезоамериканском мировидении как «частично живых».

Толстые обвисшие щеки и опухшие веки. Как указано выше, Гернси считает их универсальной чертой и объединяет их вместе с закрытыми глазами в одну «диагностирующую» группу черт. Обвисшие щеки не наблюдаются лишь на изваяниях стиля Пасако, а во всех остальных случаях они гипертрофированы, а иногда даже свисают до одного уровня с подбородком или даже ниже него, что особенно ярко прослеживается в стиле Монте-Альто, Бильбао и Санта-Летисия).

Подчеркнутая тучность. Не вызывает сомнений, что черты лица тесно связаны с главной характеристикой тела – подчеркнутой тучностью. Следует согласиться с Гернси, что пузатый живот присутствует не всегда, а характерен, прежде всего, для стилей Монте-Альто, Бильбао и Санта-Летисия. Однако бочкообразная или колоколообразная форма тела, которая наблюдается у изваяний стилей Пасако и Каминальхуйю, не менее показательны.

Сложенные на животе руки. Только на одном из известных нам изваяний (монумент 1 из Сан-Антонио) руки прижаты к груди, а во всех остальных случаях они покоятся на животе или прижаты к телу по бокам. Эта характеристика до сих пор не стала предметом специального рассмотрения. Между тем, как и в других древних и средневековых культурах, жесты и позиции рук играют крайне важную роль в мезоамериканском искусстве. Исследования, посвященные искусству майя, показали разнообразие жестов, связанных с социальной иерархией, рангом и публичным взаимодействием, однако среди них нет рук, сложенных на животе. Кажется вероятным, что данная поза означает состояние не активности, а покоя, и также подчеркивает тучность представленного персонажа.

Свисающая грудь. Как было указано, на основании четко выделенной груди на монументе из Теопана Амароли предположил, что «пузатые скульптуры» изображают женское божество (или божества) и связаны с культом плодородия. Грудь на этой статуе действительно очень похожа на женскую, однако свисающая грудь намечена и на двух других монументах (МА5 из Монте-Альто и G1 из Хиральды). При этом других признаков, указывающих на женский пол изображенных персонажей, не наблюдается, и в целом они неотличимы от остальных изваяний стиля Монте-Альто.

Выделенный пупок. Приблизительно на 25% «пузатых скульптур» прослеживается пупок. В частности, для стиля Монте-Альто он вообще не характерен, и ни одна из 6 статуй в самом Монте-Альто его не имеет. В то же время на скульптурах из Санта-Летисии это едва ли не самый яркий признак: помимо очень сильно выступающего пупка, на туловище просверлено глубокое пупочное отверстие. Также пупок встречается на монументах стиля Бильбао, Каминальхуйю и Пасако. Та-

⁵³ Guernsey 2012, 131–134.

ким образом, пупок можно интерпретировать как вариативный признак, который дополнительно уточняет семантику «пузатых скульптур».

Символика пупа и пуповины была детально проанализирована Г.Г. Ершовой в ходе этносемиотического анализа позднеформативного искусства Исапы, где она была связана с идеей кровного родства, мифической прародины и культа предков как часть семантической структуры «веревка – змея – пуповина – родство по крови»⁵⁴. Интересно, что хотя Исапа географически близка к ареалу распространения «пузатых скульптур» и хронологически синхронна им, на этом памятнике известно лишь одно подобное изваяние (монумент 70). Похоже, что в культуре Исапы и в традиции «пузатых скульптур» использовались различные формы передачи схожих концепций.

Наличие украшений и атрибутов. Среди различных элементов украшений «пузатых скульптур» преобладают круглые ушные вставки в виде характерных для Мезоамерики колец или катушек, встречающиеся на изваяниях всех стилей. Более ограничено изображение ожерелий: они характерны для стиля Бильбао (с треугольным орнаментом) и для стиля Каминальхуйю (из прямоугольных элементов). В Монте-Альто ожерелий нет, но на двух фигурах изображены пекторали. Особенно примечателен монумент МА6 с пекторалью сложной формы. Украшения также можно рассматривать как вариативный признак.

Приведенные выше признаки не просто присутствуют на изваяниях, а дополняют друг друга, поэтому их можно определенным образом сгруппировать. Во-первых, они характеризуют «пузатые скульптуры» как изображения носителей власти или высокого социального статуса. Во-вторых, это мертвые персонажи, для которых украшения или атрибуты власти не являются обязательными. В-третьих, на них вариативно выделен важный символ, связанный с идеей родства. В-четвертых, это фигуры толстые или даже гипертрофированно тучные (обвисшие щеки и опухшие веки, несомненно, находятся в связи с подчеркнутой тучностью и жестом сложенных на животе рук). Все вместе это позволяет прийти к выводу, что «пузатые скульптуры» представляют собой локальный вариант изображения почитаемых предков.

Гипотеза о связи «пузатых скульптур» с культом предков уже высказывалась в историографии, однако без специальной аргументации⁵⁵. Такую возможность допускал Дж. Скотт, предположивший, что это изображения погребальных свертков-мумий⁵⁶. В 2012 г. в статье, посвященной анализу идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в конце I тыс. до н.э., автором было высказано мнение, что «пузатые скульптуры» изображают умерших предков⁵⁷. В том же году Гернси в своей книге «Скульптура и социальная динамика в доклассической Мезоамерике», подвергнув критике теорию «толстых божеств», пришла к аналогичному заключению⁵⁸.

⁵⁴ Ершова 2000, 277–286.

⁵⁵ Lowe et al. 1982, 107.

⁵⁶ Scott 1988, 26–29.

⁵⁷ Беляев 2012б, 14–15.

⁵⁸ Guernsey 2012, 131–143.

Не менее важным свидетельством того, что «пузатые скульптуры» изображают предков, является их археологический контекст⁵⁹. Все изваяния, оригинальное местоположение которых известно, располагались в открытых церемониальных пространствах в центральной части поселений. Хотя большая часть монументов из Монте-Альто обнаружены не в их изначальных позициях, а были переустановлены, МА11, очевидно, сохранил свое оригинальное местоположение и ориентацию. Он стоял на платформе из глины, смешанной с галькой, перед зданием в северной части главного архитектурного комплекса, обращенный лицом на юго-запад, по центральной оси постройки, смотря ровно на конические земляные маунды, образующие центральную площадь⁶⁰. Раскопки Э. Гарсии в Абах-Такалике выявили, что «пузатые» монументы 100 и 109 были установлены в позднеформативный период перед лестницей, ведущей на Террасу 3, обрамляя монумент 108 (алтарь или трон)⁶¹, составляя с ним единую скульптурную программу (хотя стиль этих двух изваяний отличается, как уже отмечалось выше, в Абах-Такалике в целом не наблюдается единого стиля «пузатых скульптур»). Таким образом, церемонии, в которых был задействован монумент 108, проходили в пространстве, символически маркированном двумя изображениями предков.

Ключевыми для понимания контекста «пузатых скульптур» являются материалы из Санта-Летисии, где они были найдены в первичном контексте. Как отмечалось выше, три изваяния представляют собой явную монументальную программу: они выставлены в ряд на церемониальной платформе на регулярном расстоянии друг от друга. Расположение скульптур в ряды или линии – характерная черта программ, связанных с культом правителя или почитанием предков. Однако никто из исследователей не обратил внимания на уникальную черту, отмеченную Демарестом: «Все три смотрят точно на запад, прямо вверх по склону в направлении пика Серро-де-Апанека»⁶².

Ориентация на священную гору являлась одной из важнейших характеристик культур формативной Юго-Восточной Мезоамерики. На тихоокеанском побережье их роль выполняли вулканические пики (вулкан Такано для Исапы, вулкан Санта-Мария для Абах-Такалика, вулкан Агуа для Бильбао/Эль-Бауля)⁶³. Однако гора не просто выступает точкой священного ландшафта, а непосредственно связана с культом предков, поскольку они произошли из расположенной в горе пещеры⁶⁴. Соответственно, смотрящие на гору фигуры тем самым обращались к первопредкам.

Изображали ли «пузатые скульптуры» коллективных предков сообществ тихоокеанского побережья или они были связаны с династиями правителей? С одной стороны, примитивизированная манера исполнения указывает на деперсонализированность и абстрактность. С другой стороны, длительное время бытования этих изваяний, очень сильное стилистическое разнообразие, наличие в важней-

⁵⁹ Дж. Гернси приводит свидетельства их непосредственной связи с погребениями (Guernsey 2012, 141–143), однако собранные ей примеры являются вторичными и связаны с их позднейшим почитанием в классический период.

⁶⁰ Parsons 1986, 40.

⁶¹ Garcia 1997, 173.

⁶² Demarest et al. 1982, 568.

⁶³ Беляев 2012а, 24.

⁶⁴ Кнорзов 1979, 140–141.

ших центрах нескольких монументов, а также их расположение группами либо ассоциация с разными зданиями скорее указывают на то, что это изображения не предков вообще, а умерших правителей, вошедших в сонм предков.

В этом контексте дополнительную важность приобретают приведенные выше результаты магнитометрического обследования монументов из Монте-Альто, выявившие высокую намагниченность, вызванную ударами молний. Это свидетельствует о том, что обитатели Монте-Альто специально выбирали в предгорьях для изготовления фигур предков валуны, отмеченные предками, пославшими молнию как знак для потомков. Примечательно, что именно в Монте-Альто, где место пупка у «пузатых скульптур» было символически отмечено молниями, древние мастера не выделяли эту анатомическую черту.

Почему же изображения предков приобрели форму тучных фигур? Существующие объяснения не кажутся удовлетворительными: так, Гернси полагает, что они могут как изображать раздувшиеся от газов трупы, так и символизировать зрелость, а также приводит мнение Р. Лейжера, отметившего, что в раннеформативной коропластике культуры мокайя тучность, вероятно, связана с возрастом и социальным статусом. Последнее предположение кажется перспективным, но его опровергают синхронные позднему этапу бытования «пузатых скульптур» изображения правителей на стелах (например, стелы из Абах-Такалика⁶⁵, стела 1 из Чоколы, стела 1 из Эль-Бауля монумент 1 из Чальчуапы и др.). Пропорции их тел совершенно нормальные, без каких-либо тучных признаков. В то же время на стеле 1 из Эль-Бауля на лице предка, чей лик витает над сценой, обозначена вертикальная черта, выделяющая свисающие щеки. Следовательно, идея тучности была связана не с образом носителей власти, а с образами предков.

Для объяснения этого необходимо обратиться к особенностям представлений древних жителей тихоокеанского побережья об окружающем мире. В искусстве тихоокеанского побережья классического периода центральным является мотив «цветущего мира». Он наполнен буйной растительностью, цветами и фруктами, населен кецалями и другими тропическими птицами с ярким оперением. Особенно ярко этот мотив представлен на стелах из Коцумальуапы (середина VII – IX в.)⁶⁶. В более раннее время эта концепция нашла свое отражение в иконографии курильниц «театрального типа» из Эскуинтлы и Тикисате. На формирование этого мотива, безусловно, повлияло теотиуаканское искусство с его концепцией «Цветочной горы». С другой стороны, образ первомира предков и божеств, изобилующего роскошью, питьем и пищей, имеет и местные корни. Так, не вызывает сомнения локальное происхождение мотива женщины – подательницы плодородия, из тела которой растут плоды какао, также представленного на курильницах раннеклассического и среднеклассического времени (III–VII вв.)⁶⁷.

По нашему мнению, «пузатые скульптуры» отражают именно эти особенности мировидения древних обитателей Тихоокеанского побережья. Умершие предки предстают в виде тучных существ, обитающих в мире изобилия и богатства пищи. Приносимые им подношения включали в себя какао, фрукты и, вероятно, человеческие жертвы, которые О. Чинчилья предложил интерпретировать как

⁶⁵ Давлетшин 2006.

⁶⁶ Chinchilla Mazariegos 2013.

⁶⁷ Ершова, Беляев 2012, 122–123; Chinchilla Mazariegos 2016.

«избыточную пищу» (англ. *excess food*, исп. *comida excesiva*), играющую важную роль в ритуальных практиках современных гватемальских индейцев⁶⁸.

Имеющиеся данные говорят, что традиция «пузатых скульптур» складывается в среднеформативную фазу (VII–IV вв. до н.э.) в широкой зоне побережья от Абах-Такалика до Чальчуапы, но исключая нагорье, о чем свидетельствует полное отсутствие подобных изваяний в Наранхо, крупнейшем среднеформативном центре долины Гватемалы (750–400 гг. до н.э.). Наиболее ранние варианты этих изваяний, очевидно, происходят из Абах-Такалика, Лос-Серритос и Чальчуапы. Расцвет традиции пришелся на позднеформативную (IV–II вв. до н.э.) и терминальную формативную (I в. до н.э. – II в. н.э.) фазы. В это время «пузатые скульптуры» появляются на Гватемальском нагорье и распространяются на север, вплоть до долины Эль-Киче. При этом параллельно с ними существует активная практика воздвижения гладких стел, очевидно, игравших ключевую роль в церемониалах власти. Начиная с I в. до н.э. в регионе распространяется новая традиция резных стел с фигуративными изображениями или иероглифическими надписями, которая с первых веков нашей эры становится доминирующей формой монументального искусства.

Как часть монументальных программ, воздвигнутых в центрах вождеств, сформировавшихся на тихоокеанском побережье начиная с IV в. до н.э., «пузатые скульптуры» были частью культа предков. По-видимому, они изображали умерших вождей, которые после кончины оказывались в «цветущем мире» изобилия и богатства пищи, обеспечивая процветание своим потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, Д.Д. 2012а: Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры. В кн.: Н.Н. Крадин (ред.), *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции*. Владивосток, 3–29.
- Беляев, Д.Д. 2012б: Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н. э. *Ойкумена* 3, 8–22.
- Давлетшин, А.И. 2006: Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала. В кн.: А.А. Бородатова, В.А. Тишков (отв. ред.), *Власть в аборигенной Америке*. М., 148–172.
- Дэвлет, Е.Г. 2000а: *Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки*. М.
- Дэвлет Е.Г. 2000б: Центральноамериканские элитные художественные изделия из камня. В кн.: А.П. Логунов (отв. ред.), *Развитие цивилизации в Новом Свете*. М., 99–114.
- Ершова, Г.Г. 2000: *Фрай Диего де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира)*. М.
- Ершова, Г.Г., Беляев, Д.Д. 2012: *Взбивая пену шоколада: Какао в древней Америке*. М.
- Кнорозов, Ю.В. 1979: Этногенетические процессы в древней Америке. В кн.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.), *Проблемы истории и этнографии Америки*. М., 133–141.
- Amaroli, P. 1997: A newly discovered potbelly sculpture from El Salvador and a reinterpretation of the genre. *Mexicon* 19(3), 51–53.
- Bove, F. 1989: *Formative Settlement Patterns on the Pacific Coast of Guatemala: A Spatial Analysis of Complex Societal Evolution*. Oxford.
- Chinchilla Mazariegos, O. 2001–2002: Los barrigones del sur de Mesoamérica. *Precolombart* 4/5, 9–23.

⁶⁸ Chinchilla Mazariegos 2016, 371–372.

- Chinchilla Mazariegos, O. 2013: The Flower World of Cotzumalhuapa. In: J. Nielsen, C. Helmke (eds.), *The Maya in a Mesoamerican Context: Comparative Approaches to Maya Studies*. Markt Schwaben, 79-92.
- Chinchilla Mazariegos, O. 2016: Human Sacrifice and Divine Nourishment in Mesoamerica: The Iconography of Cacao on the Pacific Coast of Guatemala. *Ancient Mesoamerica* 27 (2), 361–375.
- Chinchilla Mazariegos, O., Fauvet-Berthelot, M.-F. 2018: De barones y barrigones: el periplo de las esculturas de Concepción, Escuintla. *Estudios de Cultura Maya* 52, 77–104.
- Coe, M.D. 1966: *The Maya*. London.
- Demarest, A., 1986: *The Archaeology of Santa Leticia and the Rise of Maya Civilization*. New Orleans.
- Demarest, A., Switsur, R., Berger, R. 1982: The Dating and Cultural Associations of the “Potbellied” Sculptural Style: New Evidence from Western El Salvador. *American Antiquity* 47(3), 557–571.
- Fu, R.R., Kirschvink, J.L., Carter, N., Chinchilla, O., Chigna, G., Gupta, G., Grappone, M. 2019: Knowledge of magnetism in ancient Mesoamerica: Precision measurements of the potbelly sculptures from Monte Alto, Guatemala. *Journal of Archaeological Science* 106, 29–36.
- García, E. 1997: Excavaciones en el acceso a la terraza 3, Abaj Takalik. In: J.P. Laporte, H.L. Escobedo (eds.), *X Simposio de Investigaciones Arqueológicas in Guatemala, 1996*. Guatemala, 167–191.
- Graham, J. 1982: Antecedents of Olmec Sculpture at Abaj Takalik. In: A. Cordy-Collins (ed.), *Pre-Columbian Art History: Selected Readings*. Palo Alto, 7–22.
- Graham, J. 1989: Olmec Diffusion: A Sculptural View from Pacific Guatemala. In: R.J. Sharer, D.C. Grove (eds.), *Regional Perspectives on the Olmec*. Cambridge, 227–246.
- Guernsey, J. 2010: Rulers, Gods, and Potbellies: A Consideration of Sculptural Forms and Themes from the Preclassic Pacific Coast and Piedmont of Mesoamerica. In: J. Guernsey, J.E. Clark, B. Arroyo (eds.), *The place of stone monuments: context, use, and meaning in Mesoamerica's Preclassic transition*. Washington, 207–230.
- Guernsey, J. 2012: *Sculpture and Social Dynamics in Preclassic Mesoamerica*. Cambridge.
- Kaplan, J. 1999: *Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study*. Unpublished. PhD. Dissertation.
- Lothrop, S.K. 1926: Stone Sculptures from the Finca Arevalo, Guatemala. *Indian Notes* 3 (3), 147–171.
- Love, M. 2010: Thinking Outside the Plaza: Varieties of Preclassic Sculpture in Pacific Guatemala and Their Potential Political Significance. In: J. Guernsey, J. Clark, B. Arroyo (eds.), *The Place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition*. Washington, 149–175.
- Lowe, G., Lee Jr., T., Martinez Espinosa, E. 1982: *Izapa: An Introduction to the Ruins and Monuments*. Provo-Utah.
- Miles, S. 1965: Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs. In: *Handbook of Middle American Indians, Pt. 1 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 237–275.
- Navarrete, C., Hernández, R. 2000: Esculturas Preclásicas de obesos en el territorio Mexicano. In: J.P. Laporte, H. Escobedo, B. Arroyo y A.C. de Suasnavar (eds.), *XIII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1999*. Guatemala, 471–500.
- Parsons, L.A. 1976: Excavation of Monte Alto, Escuintla, Guatemala. In: *National Geographic Society Research Reports: Abstracts and reviews of research and exploration authorized under grants from the National Geographic Society during the year 1968*. Washington, 325–332.
- Parsons, L.A. 1986: *The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast*. Washington.

- Parsons, L.A., Jenson, P.S. 1965: Boulder Sculpture on the Pacific Coast of Guatemala. *Archaeology* 18 (2), 132–144.
- Popenoe de Hatch, M. 1989: A Seriation of Monte Alto Sculptures. In: F. Bove, L. Heller (eds.), *New Frontiers in the Archaeology of the Pacific Coast of Southern Mesoamerica*. Tempe, 25–42.
- Richardson, F.B. 1940: Non Maya Monumental Sculpture of Central America. In: C.L. Hay, R.L. Linton, S.K. Lothrop, H.L. Shapiro, G.C. Vaillant (eds.), *The Maya and Their Neighbours*. Washington, 395–416.
- Rodas, S. 1993: Catálogo de barrigones de Guatemala. *U tz'ib* 1 (5), 1–28.
- Scott, J.F. 1988: Potbellies and Fat Gods. *Journal of New World Archaeology* 7 (2/3), 25–36.
- Shook, E.M. 1971: Inventory of Some Preclassic Traits in the Highlands and Pacific Guatemala and Adjacent Areas. In: R.F. Heizer, J.A. Graham (eds.), *Observations on the Emergence of Civilization in Mesoamerica*. Berkeley, 70–77.
- Sharer, R. 1978: *The Prehistory of Chalchuapa, El Salvador*, Vol. 1. Philadelphia.
- Taube, K. 2004: *Olmec Art at Dumbarton Oaks*. Washington.
- Thompson, L.M., Valdez Jr., F. 2008: Potbelly Sculpture: An Inventory and Analysis. *Ancient Mesoamerica* 19 (1), 13–27.
- von Winning, H. 1987: *La iconografía de Teotihuacan*. Vol. 1. Mexico.

REFERENCES

- Amaroli, P. 1997: A newly discovered potbelly sculpture from El Salvador and a reinterpretation of the genre. *Mexicon* 19(3), 51–53.
- Belyaev, D.D. 2012a: Eshche raz k voprosu o sotsial'no-politicheskoy organizatsii ol'mekskoy kul'tury [Once again on the issue of socio-political organization of the Olmec archaeological culture]. In: N.N. Kradin (ed.), *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Political anthropology of traditional and contemporary societies: Proceedings of the international conference]. Vladivostok, 3–29.
- Belyaev, D.D. 2012b: Pod sen'yuy Ptich'ego Bozhestva: formirovaniye ideologii tsarskoy vlasti na Gvatemal'skom nagor'e v I tys. do n. e. [Under the aegis of the Principal Bird Deity: formation of the ideology of royal power in the Guatemalan Highlands in the 1st mil. B.C.]. *Oykumena* [Oikumene] 3, 8–22.
- Bove, F. 1989: *Formative Settlement Patterns on the Pacific Coast of Guatemala: A Spatial Analysis of Complex Societal Evolution*. Oxford.
- Chinchilla Mazariegos, O. 2001–2002: Los barrigones del sur de Mesoamérica. *Precolombart* 4/5, 9–23.
- Chinchilla Mazariegos, O. 2013: The Flower World of Cotzumalhuapa. In: J. Nielsen, C. Helmke (eds.), *The Maya in a Mesoamerican Context: Comparative Approaches to Maya Studies*. Markt Schwaben, 79–92.
- Chinchilla Mazariegos, O. 2016: Human Sacrifice and Divine Nourishment in Mesoamerica: The Iconography of Cacao on the Pacific Coast of Guatemala. *Ancient Mesoamerica* 27 (2), 361–375.
- Chinchilla Mazariegos, O., Fauvet-Berthelot, M.-F. 2018: De barones y barrigones: el periplo de las esculturas de Concepción, Escuintla. *Estudios de Cultura Maya* 52, 77–104.
- Coe, M.D. 1966: *The Maya*. London.
- Davletshin, A.I. 2006: Simvoly vlasti v ranney yugo-vostochnoy Mezoamerike: tekst i ikonografiya na stele 5 iz Abakh-Takalika, Gvatemala [Symbols of power in Early Southeastern Mesoamerica: text and image on Abaj-Takalik Stela 5, Guatemala]. In: A.A. Borodatova, V.A. Tishkov (eds.), *Vlast' v aborigennoy Amerike. Problemy indeanistiki* [Power in aboriginal America]. Moscow, 148–172.

- Demarest, A., 1986: *The Archaeology of Santa Leticia and the Rise of Maya Civilization*. New Orleans.
- Demarest, A., Switsur, R., Berger, R. 1982: The Dating and Cultural Associations of the “Potbellied” Sculptural Style: New Evidence from Western El Salvador. *American Antiquity* 47(3), 557–571.
- Devlet, E.G. 2000a: *Khudozhestvennyye izdeliya iz kamnya indeytsev Tsentral'noy Ameriki* [Pre-Columbian Stone Artworks of Central American Indians]. Moscow.
- Devlet E.G., 2000b: Tsentral'noamerikanskii elitnyye khudozhestvennyye izdeliya iz kamnya [Elite stone artworks of Central America]. In: A.P. Logunov (red.), *Razvitie tsivilizatsii v Novom Svete* [Development of civilization in the New World]. Moscow, 99–114.
- Ershova, G.G. 2000: *Fray Diego de Landa (Biograficheskaya povest')*. *Drevnie maya: uyti, chtoby vernut'sya (Istoki predstavleniy o modeli mira)* [Fray Diego de Landa (A biographical novel). *Ancient Maya: leave to return (The origins of ideas about the structure of the world)*]. Moscow.
- Ershova, G.G., Belyaev, D.D. 2012: *Vzbivaya penu shokolada: Kakao v drevney Amerike* [Whisking the chocolate foam. Cacao in the ancient America]. Moscow.
- Fu, R.R., Kirschvink, J.L., Carter, N., Chinchilla, O., Chigna, G., Gupta, G., Grappone, M. 2019: Knowledge of magnetism in ancient Mesoamerica: Precision measurements of the potbelly sculptures from Monte Alto, Guatemala. *Journal of Archaeological Science* 106, 29–36.
- García, E. 1997: Excavaciones en el acceso a la terraza 3, Abaj Takalik. In: J.P. Laporte, H.L. Escobedo (eds.), *X Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1996*. Guatemala, 167–191.
- Graham, J. 1982: Antecedents of Olmec Sculpture at Abaj Takalik. In: A. Cordy-Collins (ed.), *Pre-Columbian Art History: Selected Readings*. Palo Alto, 7–22.
- Graham, J. 1989: Olmec Diffusion: A Sculptural View from Pacific Guatemala. In: R.J. Sharer, D.C. Grove (eds.), *Regional Perspectives on the Olmec*. Cambridge, 227–246.
- Guernsey, J. 2010: Rulers, Gods, and Potbellies: A Consideration of Sculptural Forms and Themes from the Preclassic Pacific Coast and Piedmont of Mesoamerica. In: J. Guernsey, J.E. Clark, B. Arroyo (eds.), *The place of stone monuments: context, use, and meaning in Mesoamerica's Preclassic transition*. Washington, 207–230.
- Guernsey, J. 2012: *Sculpture and Social Dynamics in Preclassic Mesoamerica*. Cambridge.
- Kaplan, J. 1999: *Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study*. Unpublished. PhD. Dissertation.
- Knorozov, Yu.V. 1979: Etnogeneticheskie protsessy v drevney Amerike [Ethnogenetic processes in the ancient America]. In: Yu.V. Bromley (red.), *Problemy istorii i etnografii Ameriki* [Problems of history and ethnography of America]. Moscow, 133–141.
- Lothrop, S.K. 1926: Stone Sculptures from the Finca Arevalo, Guatemala. *Indian Notes* 3 (3), 147–171.
- Love, M. 2010: Thinking Outside the Plaza: Varieties of Preclassic Sculpture in Pacific Guatemala and Their Potential Political Significance. In: J. Guernsey, J. Clark, B. Arroyo (eds.), *The Place of Stone Monuments: Context, Use, and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Transition*. Washington, 149–175.
- Lowe, G., Lee, Jr., T., Martinez Espinosa, E. 1982: *Izapa: An Introduction to the Ruins and Monuments*. Provo, Utah.
- Miles, S. 1965: Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs. In: *Handbook of Middle American Indians, Pt. 1 I: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 237–275.
- Navarrete, C., Hernández, R. 2000: Esculturas Preclásicas de obesos en el territorio Mexicano. In: J.P. Laporte, H. Escobedo, B. Arroyo y A.C. de Suasnávar (eds.), *XIII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1999*. Guatemala, 471–500.

- Parsons, L.A. 1976: Excavation of Monte Alto, Escuintla, Guatemala. In: *National Geographic Society Research Reports: Abstracts and reviews of research and exploration authorized under grants from the National Geographic Society during the year 1968*. Washington, 325–332.
- Parsons, L.A. 1986: *The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast*. Washington.
- Parsons, L.A., Jenson, P.S. 1965: Boulder Sculpture on the Pacific Coast of Guatemala. *Archaeology* 18(2), 132–144.
- Popenoe de Hatch, M. 1989: A Seriation of Monte Alto Sculptures. In: F. Bove, L. Heller (eds.), *New Frontiers in the Archaeology of the Pacific Coast of Southern Mesoamerica*. Tempe, 25–42.
- Richardson, F.B. 1940: Non Maya Monumental Sculpture of Central America. In: C.L. Hay, R.L. Linton, S.K. Lothrop, H.L. Shapiro, G.C. Vaillant (eds.), *The Maya and Their Neighbours*. Washington, 395–416.
- Rodas, S. 1993: Catálogo de barrigones de Guatemala. *U tz'ib* 1 (5), 1–28.
- Scott, J.F. 1988: Potbellies and Fat Gods. *Journal of New World Archaeology* 7 (2/3), 25–36.
- Shook, E.M. 1971: Inventory of Some Preclassic Traits in the Highlands and Pacific Guatemala and Adjacent Areas. In: R.F. Heizer, J.A. Graham (eds.), *Observations on the Emergence of Civilization in Mesoamerica*. Berkeley, 70–77.
- Taube, K. 2004: *Olmec Art at Dumbarton Oaks*. Washington.
- Thompson, L.M., Valdez Jr., F. 2008: Potbelly Sculpture: An Inventory and Analysis. *Ancient Mesoamerica* 19(1), 13–27.
- Sharer, R. 1978: *The Prehistory of Chalchuapa, El Salvador*. Vol. 1. Philadelphia.
- von Winning, H. 1987: *La iconografía de Teotihuacan*. Vol. 1. Mexico.

POTBELLY SCULPTURES AND ANCESTOR WORSHIP ON PACIFIC COAST OF
SOUTHEASTERN MESOAMERICA IN THE LATE FORMATIVE
(400 BC – AD 100)

Dmitri D. Belyaev

*Russian State University for the Humanities;
Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS,
Moscow, Russia
lakamha@mail.ru*

Abstract. Potbelly sculpture is one type of stone monuments from Southeastern Mesoamerica that was distributed on the Pacific slope and piedmont and in the Guatemalan Highlands. They represent seated figures of obese persons with arms clasping pot-like bellies, fat cheeks and closed eyes with puffy lids. The largest number of these monuments was found at Tak'alik Abaj and Monte Alto on the Pacific slope and at Kaminaljuyu in the Valley of Guatemala. Although it was widely believed that these crude figures predate Early Formative Olmec sculpture and could serve as its source, the earliest potbelly sculptures date to the late Middle Formative (ca. 650–500 BC). The splendor of this tradition can be dated between 500 BC and AD 100. Despite several decades of their research, the functions of the potbellies are still a matter of discussion. The sculptures were set up in the open ceremonial spaces of Late Formative chiefly centers; at Santa Laticia where the original context was preserved, they were oriented to the neighboring mountain, which according to Mesoamerican beliefs was the dwelling place of the ancestors. In

the paper major styles of potbelly tradition are redefined and their principal traits are revised. All the analyzed evidence show that potbellies were part of the ancestor worship and probably depicted deceased chiefs. Their extraordinary obesity is related to the local Pacific Coast variant of the concept of “Flowery World” that emphasized the abundance of the food and other riches sent to the descendants by the ancestors.

Keywords: Mesoamerica, Late Formative, monumental sculpture, ancestor worship, ethnosemiotics
